

Шебуев Николай Георгиевич

Жизнь Максима Горького

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н63

Н63 **Николай Георгиевич Ш.**
Жизнь Максима Горького / Шебуев Николай Георгиевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-521-30829-3

ISBN 978-5-521-30829-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Александръ Максимовичъ Пѣшковъ, или Максимъ Горькій, какъ онъ подписывается подъ своими сочиненіями, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ, 14-го марта 1869 года. Отецъ его, пермскій мѣщанинъ Максимъ Савватіевичъ Пѣшковъ, по ремеслу обойщикъ, много перенесъ въ своей жизни. Дѣдъ Горькаго со стороны отца, офицеръ, разжалованный при Императорѣ Николаѣ I въ солдаты, отличался очень крутымъ нравомъ и его сынишкѣ, отцу Горькаго, не разъ приходилось убѣгать изъ дому, спасаясь отъ деспотизма отца. Наконецъ ему удалось окончательно убѣжать изъ семьи своей въ Нижній Новгородъ, гдѣ онъ и поступилъ въ обученіе къ обойному мастеру. Здѣсь онъ познакомился съ дочерью красильщика Каширина, Варварою Васильевною, и вскорѣ женился на ней, хотя противъ этого и былъ отецъ Варвары, разбогатѣвшій въ то время и открывшій въ Нижнемъ-Новгородѣ красильное заведеніе. Отецъ Максима Горькаго былъ человекомъ умный, способный и зналъ грамоту, но не успѣлъ оказать вліянія на мальчика, такъ какъ въ 1873 году, когда Максиму минуло четыре года, онъ умеръ отъ холеры, которою заразился отъ своего же сына. Мать Горькаго вскорѣ послѣ этого вышла второй разъ замужъ. Такимъ образомъ, Максимъ Горькій съ самаго ранняго возраста остался на попеченіи своего дѣда, отличавшагося религіозностью и въ тоже время жестокостью и крайней скупостью. Онъ самъ научилъ Максима Горькаго читать по псалтырю и часослову, а затѣмъ отдалъ въ школу. Но не долго пришлось Максиму пробыть въ школѣ: заразившись оспой, Горькій

и по выздоровленіи уже не возобновлялъ ученія. Вскорѣ послѣ этого мать его умерла отъ скоротечной чахотки, а дѣдъ разорился. Для Максима наступили тяжелые дни. Окружающіе мало заботились о мальчикѣ и онъ росъ безъ всякаго обученія. 9-ти лѣтъ его отдали въ магазинъ обуви мальчикомъ, но здѣсь онъ обварилъ себѣ руки кипящими щами и былъ отосланъ хозяиномъ домой. Послѣ этого онъ поступилъ въ ученики къ чертежнику, но и здѣсь не повезло Максиму Горькому: условія жизни въ чертежной были такъ тяжелы, что ему пришлось бѣжать оттуда. Послѣ этого онъ поступилъ на пароходъ поваренкомъ. Поваромъ на этомъ пароходѣ былъ отставной унтер-офицеръ Михаилъ Акимовъ Смурый, человѣкъ очень любознательный и начитанный, который своими разсказами возбудилъ въ Горькомъ интересъ къ чтенію. Горькій съ жадностью набросился на книги и читалъ все, что попадало ему подъ руку. А бібліотека Смураго была замѣчательно разнообразна! Тутъ былъ и Эккартгаузенъ и Некрасовъ, Житія Святыхъ и Дюма-отецъ, Камень Вѣры и Гоголь, и Глѣбъ Успенскій, и Анна Радклифъ, и книжки на малорусскомъ языкѣ и журналы за старыя годы. Это безпорядочное чтеніе имѣло однако на Горькаго большое вліяніе въ томъ отношеніи, что пробудило въ немъ страстное желаніе учиться. Съ этой цѣлью онъ на шестнадцатомъ году своей жизни отправился въ Казань. Но при всемъ своемъ желаніи онъ не достигъ тамъ ничего и принужденъ былъ поступить въ крендельное заведеніе съ жалованіемъ по 3 рубля въ мѣсяцъ. Пекаремъ былъ въ этомъ заведеніи Коноваловъ, въ лицѣ котораго Горькій нашелъ себѣ внимательнаго слушателя и собесѣдника. Послѣ тяжелой пекарской работы Максимъ Горькій садился обыкновенно за книжку или задумывался надъ разными мучительными вопросами. Чаще онъ читалъ вслухъ, а Коноваловъ

внимательно слушалъ. Затѣмъ у нихъ начинались разговоры о прочитанномъ, о жизни вообще и т. д. За время своей службы въ крѣдельномъ заведеніи Максиму Горькому представлялась возможность еще ближе изучить среду „бывшихъ людей“. Къ этому времени относятся его рассказы „Коноваловъ“ и „Бывшіе люди“, имѣющіе автобіографическое значеніе. Вообще пребываніе въ Казани является одною изъ интереснѣйшихъ страницъ въ жизни Максима Горькаго. Вращаясь между „бывшими людьми“ съ одной стороны, а съ другой, знакомясь со студентами и бывая въ кружкахъ самообразованія, Максимъ Горькій еще болѣе проникся философіею жизни и въ то же время страшно страдалъ отъ контрастовъ, на каждомъ шагу представляемыхъ этою самою жизнью. Пессимистическое настроеніе Горькаго достигло наконецъ, такого крайняго пункта, что въ 1888 году, онъ покушался на самоубійство, не имѣвшее, къ счастью, смертельнаго исхода. Самъ Горькій такъ вспоминаетъ объ этомъ событіи: „Прохворавъ, сколько требовалось, я ожилъ, дабы приняться за торговлю яблоками“. Пробывъ три года въ Казани, онъ отправился пѣшкомъ въ Царицынъ, гдѣ занималъ нѣкоторое время должность желѣзнодорожнаго сторожа. Къ этому періоду жизни Максима Горькаго относится рассказъ сотрудника „Донской Рѣчи“, въ которомъ послѣдній приводитъ свою бесѣду съ начальникомъ станціи, знающимъ близко Максима Горькаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ служилъ на станціи. „Этому прошло не менѣе десяти лѣтъ, началъ начальникъ станціи, я служилъ старшимъ помощникомъ начальника на одной изъ станцій вблизи Царицына. На моей обязанности лежалъ между прочимъ надзоръ надъ мелкими служащими,—наемъ, расчетъ ихъ и пр. Помню, въ одно прекрасное утро, а можетъ быть и вечеръ, на нашей станціи появился паренекъ, на видъ

лѣтъ 22 отъ роду. Одѣтъ онъ былъ, можно сказать, довольно легкомысленно, въ издерганной и послужившей своему хозяину нанковой блузѣ, въ такихъ же штанахъ, въ выпѣвшемъ отъ времени пальто, отчаянной бараньей папахѣ на головѣ и въ ваденныхъ сапогахъ на ногахъ, а за спиною его болтался миниатюрный чемоданчикъ. Онъ просилъ какого-нибудь мѣста, назвавшись крестьяниномъ или мѣщаниномъ какой-то губерніи Пѣшковымъ. И заявивъ, что раньше перепробовалъ не мало профессій: служилъ поваренкомъ на пароходахъ, хлѣбопекомъ въ булочныхъ и пр., и теперь желаетъ послужить на желѣзной дорогѣ. Онъ казался довольно разбитнымъ царнемъ, съ грубымъ говоромъ на „О“. На его счастье оказалось свободнымъ мѣсто ночного сторожа у вагоновъ, на какое онъ и опредѣлился на жалованье по 15 рублей въ мѣсяцъ. Служилъ онъ весьма исправно и оказался хорошо грамотнымъ, почему мы его поощряли и мѣсяца черезъ два предоставили мѣсто вѣсовщика съ жалованьемъ 25 рублей. Для холостого человѣка, какимъ былъ Пѣшковъ, жалованіе это было совершенно достаточно, между тѣмъ, онъ по прежнему довольствовался лишь чаемъ—брандахлыстомъ, да изрѣдка кислымъ молокомъ; впрочемъ сплошь и рядомъ, уплетая кашу съ поденными рабочими, при чемъ курилъ онъ исключительно махорку.

—Что-ты, спросилъ я его какъ-то, — не покупаешь турецкаго табаку, а все дымишь цыгаркою, теперь ужъ ты можешь позволить себѣ эту роскошь.

—Да что, Степанъ Степановичъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — вѣдь отъ куренія получается одно: „Горько“, отъ всякаго табаку, такъ не всели равно какимъ табакомъ ни нагорчатъ во рту?

Но онъ и не собиралъ денегъ, а тратилъ ихъ странно или, какъ мы говорили, глупо: раздавалъ семейнымъ служащимъ, бѣднымъ

людямъ, тому рубль, тому 50 коп., да расходовался сильно на почтовые марки, такъ какъ велъ слишкомъ обширную переписку, чуть не ежедневно получая откуда-то письма. Съ кѣмъ и о чемъ переписывался, никто не зналъ, хотя это обстоятельство и занимало насъ не мало. Въ свободное отъ занятій время его всегда можно было встрѣтить окруженнаго рабочими, среди которыхъ онъ или ораторствовалъ о чемъ нибудь, или-же читалъ этой аудиторіи какую нибудь брошюру духовно-нравственнаго содержанія, или по географіи, исторіи, астрономіи и т. п., знакомя слушателей съ окружающимъ насъ міромъ и его явлениями. Публикѣ онъ, очевидно, очень нравился, такъ какъ рассказывалъ увлекательно, обладая недюжиннымъ даромъ слова, и его прямо-таки ловили рабочіе, чтобы послушать что нибудь занимательное, а онъ умѣлъ быть всегда занимательнымъ. А тѣмъ временемъ пришлось и намъ, станціонному начальству, поближе узнать Пѣшкова. Читая романъ или что другое, не помню, я дочитался до незнакомой мнѣ секты или общества „масоновъ“ и, не зная ученія ихъ, обратился за разъясненіемъ своего недоразумѣнія къ начальнику станціи, который былъ на станціи начитаннѣе всѣхъ. Но онъ меня не удовлетворилъ, заявивъ, что читалъ про масоновъ раньше, но не усвоилъ себѣ ихъ ученія какъ слѣдуетъ. Случившійся при этомъ въ конторѣ вѣсовщикъ Пѣшковъ обратился къ начальнику станціи съ такимъ предложеніемъ.

—Дозвольте мнѣ, Иванъ Ивановичъ, разъяснить это дѣло.

— Да ты развѣ знаешь про масоновъ что нибудь? усумнился начальникъ.

—Кое что читалъ про нихъ и, что запомнилъ, могу рассказать. И тутъ онъ намъ прочиталъ настоящую лекцію про масоновъ съ такими подробностями, что я уже не знаю, гдѣ онъ ихъ почерпнулъ. Какъ я упоминалъ раньше,

говорилъ онъ увлекательно и такъ занялъ насъ, что мы съ начальникомъ могли бы поѣздъ проморгать, если бы таковой двигался на станцію, но, по счастію, никакого поѣзда мы не ожидали. Такъ прошло незамѣтно часа два времени. Начальникъ станціи обратился ко мнѣ: „Знаешь Степанъ Степановичъ, я думаю что Пѣшковъ этотъ либо выгнанный студентъ, либо кто нибудь въ этомъ родѣ, потому больно онъ уже уменъ для хлѣбопека и поваренка и здорово начитанъ. Какъ-бы намъ съ нимъ еще бѣды не нажить. Господь съ нимъ!“

Однако, начальникъ, видимо, приближалъ его, даже допустилъ къ себѣ въ домъ, какъ добраго знакомаго, и Пѣшковъ безъ малѣйшаго стѣсненія проводилъ съ нами время, покуривая свою „дыгарку“ и все болѣе и болѣе поражая насъ своими знаніями и начитанностью, такъ что мы вполне увѣрились, что Пѣшковъ непремѣнно выгнанный студентъ, которыхъ въ тѣ годы было видимо-невидимо на всякихъ службахъ у насъ.

Когда я какъ то заговорилъ съ нимъ о его образованіи, Максимъ сказалъ: „Меня училъ дьячокъ деревенскій, котораго дѣдъ мой нанялъ за мѣру картофеля, а другихъ учителей не знаю.“ Не скрывая своего происхожденія и своей науки у дьячка за мѣру картофеля, Пѣшковъ, однако, не рѣдко выставлялъ себя, какъ человѣка, стоящаго значительно выше окружающихъ его людей и какъ бы предсказывалъ, что мы о немъ еще услышимъ кое-что поважнѣе. Такія мечты его о будущемъ или, я ужъ не знаю, какъ назвать ихъ, не мѣшали ему быть очень милымъ и услужливымъ хоть куда.

Вся служба его на нашей станціи продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ и въ одно прекрасное время онъ явился ко мнѣ, въ контору, и попросилъ расчесть, заявивъ, что больше служить не хочетъ у насъ. Я уплатилъ

ему заслуженные деньги и предложил билетъ третьяго класса до какой хочетъ станціи на нашей дорогѣ, но онъ отъ билета отказался, заявивъ, что пойдетъ пѣшкомъ, и, нахлобучивъ свою папаху и тряхнувъ за плечами тощимъ чемоданчикомъ, въ своихъ опять зеленыхъ сапогахъ или даже въ лаптяхъ, двинулся по линіи отъ станціи, любезно распрощавшись съ высыпавшими провожать его станціонными служащими, которыхъ онъ услаждалъ и просвѣщалъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Къ этому же времени относится разсказъ самаго Горькаго о происшедшемъ съ нимъ случаѣ, имѣвшемъ громадное вліяніе на его здоровье. „Служилъ я, разсказываетъ онъ, ночнымъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Пришлось какъ то разъ караулить темной осенней ночью груды мѣшковъ съ мукой. Погода стояла отвратительная, дулъ холодный вѣтеръ, лилъ проливной дождь. Въ степи тьма непроглядная, точно чернила.. Вдругъ вѣтромъ сорвало брезентъ съ груды мѣшковъ. Дѣлать нечего,—пришлось лѣзть на груды закрыть мѣшки. И вотъ, на верху то груды, закрутило, завернуло меня въ брезентъ и сбросило на полотно. Я такъ сильно ударился на рельсы или что то другое, что сразу же лишился сознанія... У меня образовалась какая то странная болѣзнь: вся шея страшно распухла, въ горлѣ сдѣлалось огромное нагноеніе, которое едва не задушило меня. Когда докторъ вскрылъ нарывъ, то гноя такъ много шло, что я боялся захлебнуться. Первое время я ничего не могъ говорить. Когда потребовали отъ меня показаніе, то я далъ его письменно, написавъ на бумагу. Говорить я началъ недѣли три спустя послѣ этого, да и то шопотомъ. Думалъ, что навсегда потеряю голосъ. Но мѣсяца черезъ три появился голосъ, только уже не теноръ, а грубый басъ“.

Надо замѣтить, что раньше Горькій пѣлъ

въ хорѣ въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній на Волгѣ. Онъ и Шаляпинъ задумали поступить въ хоръ. Какой то антрепренеръ, къ которому они оба явились, принялъ М. Горькаго, а Шаляпина отказалъ, Горькій объяснилъ этотъ эпизодъ такимъ образомъ: „У Шаляпина въ то время «ломался» голосъ съ дисканта на басъ. Само собою разумѣется, что его не взяли. А у меня тогда былъ очень не дурной теноръ. И я, дѣйствительно, тогда пѣлъ въ хорѣ. Да и, вообще, въ то время я любилъ и умѣлъ пѣть.“

Послѣ описаннаго паденія съ груди мѣшковъ, у Горькаго пропалъ голосъ.

Вскорѣ послѣ этого мы видимъ Максима Горькаго снова въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ качествѣ продавца баварскаго кваса. Но затѣмъ ему удалось получить мѣсто писемоводителя у присяжнаго повѣреннаго А. И. Ланина. Послѣдній принялъ горячее участіе въ судьбѣ молодого человека и, какъ свидѣтельствуется самъ Горькій, имѣлъ „неизмѣримо огромное вліяніе“ на его образованіе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ Максимъ Горькій сталъ вращаться въ кружкахъ интеллигентной молодежи, въ одномъ изъ которыхъ онъ встрѣтился съ поэтомъ А. М. Федоровымъ. Вообще, жизнь въ Нижнемъ-Новгородѣ очень нравилась Горькому. Онъ зажилъ здѣсь чисто духовною жизнью и отдыхалъ душою послѣ пережитыхъ волненій и постоянныхъ скитаній.

Не смотря на это, мятежный духъ, тянувшій его къ бродячей жизни, снова одолѣлъ его и онъ, почувствовавъ себя, по его выраженію, не на своемъ мѣстѣ среди интеллигенціи, ушелъ въ 1890 году снова странствовать. Онъ отправился въ Царицынъ, исходилъ всю Донскую область, Украину, побывалъ въ Бессарабіи, въ Крыму, и оттуда прошелъ на Кубань. Живя въ Тифлисѣ, Максимъ Горькій работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Здѣсь, въ газетѣ „Кавказъ“, онъ напечаталъ

свой первый рассказ „Макаръ Чудра“, (въ 1892 г.). Между прочимъ, прекрасную характеристику личности Максима Горькаго находимъ мы у г. С. Вартаньянца, встрѣтившагося въ это время съ Горькимъ въ Тифлисъ и напечатавшаго свои воспоминанія объ этомъ въ газетѣ „Кавказъ“. Въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ дней, рассказываетъ г. Вартаньянецъ, проходилъ я по улицѣ Танасевича. То было въ 1891 году. Шелъ я задумчиво, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, только что вынесеннымъ мною изъ квартиры мѣкаго Ч-зе, юноши идеалиста, неутомимаго работника во имя „любви къ ближнему“. Этотъ юноша сошелъ съ ума. Возвращался я отъ больного съ дежурства, усталый, разбитый послѣ безсонно-проведенной ночи и шелъ торопливыми шагами. Пройдя полъ улицы, я собирался свернуть влѣво въ переулокъ, какъ вдругъ вниманіе мое невольно остановилось на одномъ весьма типичномъ молодомъ человѣкѣ. Онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и шелъ мнѣ навстрѣчу. Это былъ юноша высокаго роста, широкоплечій, атлетическаго сложенія, съ широкимъ, грубоватымъ чисто русскимъ лицомъ, съ длинными волосами; шелъ онъ твердыми, увѣренными шагами, точно чувствовалъ, что онъ не изъ простыхъ смертныхъ. Онъ поравнялся со мною; я еще лучше могъ осмотрѣть его: лицо его было не изъ веселыхъ; умные, вдумчивые глаза его выражали силу и присутствіе большой воли; вся его мощная фигура и оригинальное лицо невольно приковывали къ себѣ вниманіе прохожихъ. Суровая фигура Рахметова, такъ хорошо обрисованная Чернышевскимъ въ своемъ романѣ, производила на меня сильное впечатленіе. Когда я увидѣлъ моего незнакомца, мнѣ почему-то показалось, что я вижу передъ собою сильнаго духомъ мощнаго по фигурѣ Рахметова. Незнакомецъ прошелъ мимо, нисколько не обращая вниманія на меня; я же,

наоборотъ, какъ наэлектризованный, смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока тотъ не скрылся за уголъ улицы; но помню очень хорошо, что этотъ незнакомецъ такъ заинтересовалъ меня, такъ овладѣлъ моимъ существомъ, что мнѣ непременно захотѣлось узнать, кто онъ: я бросился догонять его, но было поздно,—его и слѣдъ простылъ. Раздосадованный я поплелся домой, но все не переставалъ думать о немъ, о моемъ таинственномъ знакомцѣ. Я, конечно, успѣлъ бы потомъ забыть этого случайно встрѣтившагося со мною человека, время изгладило бы изъ памяти все, что касалось этой удивительной встрѣчи, если бы счастливый случай не привелъ меня познакомиться съ нимъ на другой же день, въ квартирѣ больного Ч—зе. Было 10 часовъ утра, когда на другой день пришелъ я къ больному. Каково же было мое удивленіе, когда, войдя въ комнату, я увидѣлъ моего незнакомца такъ сильно заинтересовавшаго меня наканунѣ. Меня познакомили. Онъ назвался Пѣшковымъ. Широкоплечій здоровый нѣсколько сутуловатый, высокаго роста, въ блузѣ, подпоясанной ремнемъ, съ лицомъ не веселымъ, но рѣшительнымъ, онъ произвелъ на меня бодрящее впечатлѣніе, впечатлѣніе чего то новаго, а главное оригинальнаго. Рѣзкій въ мнѣніяхъ, оригинальный во взглядахъ на вещи и явленія, движеніяхъ что впрочемъ шло къ нему. Никогда не забуду, какъ онъ, во время одного изъ дежурствъ схватилъ своими сильными руками сумасшедшаго Ч—зе (тоже крупнаго сложенія), желавшаго удрать изъ дому, быстро уложилъ его на кровать, также быстро привязалъ къ ней, чтобы окончательно парализовать въ немъ желаніе бѣгства. Нужна была, дѣйствительно, большая мускульная сила, чтобы обезоружить не въ мѣру разошедшагося душевно-больного, и Пѣшковъ обнаружилъ въ одномъ случаѣ дѣйствительно рѣдкую силу. Нѣкоторые изъ